

ЯЗЫК РУССКОЙ И АДЫГСКОЙ СЕМИОСФЕР В ОЧЕРКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «РУБКА ЛЕСА»

И.А. Кротенко, Государственный университет им. Акакия Церетели
(Кутаиси, Грузия).

Аннотация. В работе предпринята попытка сопоставительного языкового анализа концептов русского и кавказского миров, модальный код конструирует разные рецептивные уровни, существование этих миров рассмотрено на уровне оппозиции: реальность /ирреальность, свой/чужой, жизнь/смерть. Спецификой жанра очерка является приближенность к документализму, умение увидеть все и сразу, с точки зрения семиотики подобный метод определяем как точку зрения (Б.Успенский), постараемся показать эти точки зрения, разные нарративные уровни текста. Таким образом, рассказ предстает как многоуровневая смысловая и семиотическая система.

Ключевые слова: концепт языка, рецептивный уровень, нарративный уровень.

Мы ограничиваем наш интерес языковым анализом кавказской семиосферы, обособленного онтологического пространства, документализм подачи содержания, приближенность к реальности создает драматический модус повествования, который в дальнейшем будет часто использовать Толстой. Кавказская семиосфера вмещает в себя пространство текста, в котором « размещены персонажи и совершаются действия» (Ю. Лотман), в котором язык детерминирован, каждое употребление языкового концепта на новом отрезке текста приращивает смысловое значение к основному языковому ядру и становится частью художественной системы. Насильственное проникновение в этот мир извне раздвигает ее границы, наблюдается постоянный процесс противостояния с русской языковой семиосферой, две системы, движущиеся в разных направлениях и в структурном отношении образуют конфликт. Таков структурно-семиотический ракурс текста, за пределами которого остаются мета и интертекстуальные уровни системы, не всегда явно поддающиеся систематизации. Разноплановые языковые пласты-ассоциации не расположены в одной линейной плоскости текста, они скорее напоминают геометрическую модель, в которой автор экспериментирует с семантическим пространством текста. Заглавие «Рубка леса» воспринимается как свернутая структура текстуального пространства, требующая декодировки. Языковой концепт рубка потенциален, запускает движение смыслов на уровне ассоциативного ряда: языкового, исторического, социального, бытового. Первое слово заглавия очерка «рубка» кроме своего основного значения образует семантическое поле, в котором основные значения образуют ассоциативный ряд, компоненты которого восходят к заглавию и отражаются в структуре текста. В словаре В.Даля у этого слова много значений. Отметим семантический ряд слова **рубить**, от которого образовано существительное рубка и выделим потенциально заложенные в нем подтемы очерка: « рубать, что резать с размаху, тесать, сечь; ударяя острием, делить на части. Рубить дрова, разрубать и колоть. Рубить дерево, срубить. Рубить, крошить. Рубить неприятеля, поражать саблей, шашкой, палашом. Рубить лес в развал, арх. Прорубать просеку, дорогу, валя лес на обе стороны» (В. Даль). Все эти смыслы отражаются в тексте и служат обоснованием заглавия. Второй заглавный компонент « рубка леса» удваивает тему смерти не в прямом значении, а с точки зрения языка славянской мифологии, на уровне ассоциативного ряда. Согласно славянским мифам, это враждебное человеку место, противостоящее понятию селение/ лес. Считалось, что через лес проходит путь в царство мертвых.

Тема смерти отражена в описании природы, в разговорах солдат и офицеров, в подтексте очерка, в отношении автора к войне. Она образует разветвленный ассоциативный языковой ряд. В начале очерка дается описание кладбища: «Справа виднелись крутой берег извилистой речки и высокие деревянные столбы **татарского кладбища**; слева и спереди сквозь туман проглядывала черная полоса» [2, с. 410]. Очерчена горизонтальная перспектива языковой адыгейской семиосферы : справа, слева, спереди - **черная полоса**. С точки зрения мифологического подтекста – это путь в царство мертвых. В конце очерка умирает Веленчук. Закон кольцевой обратной связи возвращает к теме и замыкает структуру. В конце очерка автор еще раз акцентирует этот языковой знак: «Несмотря на то, что неприятель не переставал преследовать нас артиллерийским и ружейным огнем до самой речки **с кладбищем**, которую мы переходили утром, отступление сделано было счастливо» [2, с. 416]. Расположение данного языкового концепта в начале и в конце очерка определяет ему позицию акцентного слова адыгейской семиосферы. Продолжает этот семантический ряд словосочетание **три татарских тела**. И все-таки этот мир существует и живет по своим законам. Беспкойному, подвижному миру человеческих страстей Толстой противопоставляет величественный мир природы Кавказа. Мифологический подтекст всегда присутствовал в произведениях Толстого. Согласно мифам славян дерево в русском языке символизирует мужчину, рубка дерева, следовательно, его смерть. Автор не акцентирует данное положение, но: обледенелые ветви, **помертвелая белая** трава, **мертвая** тишина, большой чинаровый отруб, срубленный лес, срубленные сучья, большой пенёк, низ пня, превратившийся в уголь - образуют символическую антитезу лес-смерть. В одном эпизоде солдат рассказывает, как оставили раненного товарища умирать под деревом: «**Древо** росла там ветлеватая такая. - прислонили его к **древу** к этому, надели на него **рубашку чистую**, простились как следует, да так и оставили» [2, с. 418]. Финальные аккордом очерка звучит **заунывная** песня «Березушка», которой замыкается структура очерка, восходит к заглавию, образуя единое языковое смысловое целое. Береза - символ России. Семантика березы - белый цвет, береза символизирует девичество, воскресение. Белый цвет также образует языковой ассоциативный словесный ряд, восходящий к основной теме: белая помертвелая трава, чистая рубашка умирающего, согласно христианской традиции, белая, печальная «Березушка» одна из многочисленных песен о березе, похоронная. Так причудливо переплетаются в очерке Толстого языковые концепты: русская белая **березка** и кавказский обгоревший пенёк **чинары**: два противопоставленных символа русской и кавказской семиосфер, причем контрастируют они и по цвету: белый /черный. Языковая палитра адыгейской семиосферы лаконична, превалирует черный цвет, который переходит в смежные словесные ряды, образуя динамичную картину звуков, цвета, движения, физических и психологических ощущений, узости пространства: было темно, туманно и холодно, костры увеличивали темноту, непроницаемая темнота, черная фигура, в темноте, из мрака, черная полоса, мрачные тени, мрачное небо, мрачная ночь, мрачная тишина.

Слово «тьма» прочитывается и в библейском смысле, также служит для обозначения «сени смертной». Динамика пространства, точность в описании окрестности придают этому цвету образную выразительность и реалистичность. Намного реже представлен белый цвет: молочно-белый туман, обманчивая белая стена тумана, туман начал белеть, белые слои тумана, сине-белые тучи. Черный цвет полифункционален, белый монофункционален, подобный контраст еще более сужает пространство, локализует место действия. Кавказская семиосфера принимает вертикальный срез, вершиной которой является Казбек, покрытый

вечным снегом. Употребление черного цвета, хотя и конкретизирует пейзаж, но также связано в своем подтекстовом значении с космогоническим представлением народов Кавказа. Рубка вековых деревьев ассоциируется с уничтожением древа жизни, краем света. В очерке черный цвет представляет замкнутую цветовую сферу, в которую окрашены земля, люди, небо. В славянской мифологии черный цвет преимущественно ассоциируется с трауром, описанием ночи, но в данном очерке он более многозначителен. Трём вертикальным мирам кавказской мифологии соответствуют слова: белый, красный, черный. Светлый мир понимается как **здесь**, темный и таинственный, опасный и полный неожиданностей - **там**. **Светлый белый** принимает и обманчивую форму, с точки зрения противостояния русской и кавказской семиосферы, оппозиция **здесь/ там** символизируют языковое ядро сфер, здесь - темный и опасный мир Кавказа, там - далекий белый и светлый мир России. Противостояние этих сфер имеет и цветовое решение. Эта оппозиция ядра сфер все время варьируется в тексте при описании пейзажа и на уровне персонажей, она также неустойчива и противоречива. Толстой не только показал противостояние этих миров, но и обозначил языковые уровни восприятия кавказского мира разными социальными группами в контексте истории, культуры, архетипах мышления, с точки зрения геополитических интересов. Оба эти мира неравнозначны. Русский мир представлен людской массой, кавказский природой, но настолько очеловеченной, что многосмысловым становится само безмолвное противостояние. В таком понимании рассказ входит в общий контекст обширной темы, известной в истории русской литературы как Кавказский текст (Пушкин, Лермонтов, Марлинский). Сам по себе Кавказский текст приобретает сегодня особую актуальность, требует современного подхода, являясь объектом исследования для целого ряда ученых. Одним из первых в истории русской литературы Л.Толстой предпринял попытку полицентрического взгляда на кавказский мир в военных рассказах, что отразилось и в языке. Он пошел нетрадиционным путем, преодолел мифическое представление о Кавказе, которое сложилось в истории русской литературы.

Литература:

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. - М.: Русс. яз., 1989-1991.
2. Толстой Л.Н. Рубка леса: собр.соч.в 12-ти т., т.1. – М.: Художественная литература, 1987.

Krotenko I.A. Jazyk ruskoj i adygskoj semiosfer v ocherke L.N. Tolstogo «Rubka lesa» // Nauka. Mysl'. - № 11. – 2015.

© И.А. Кротенко, 2015.
© «Наука. Мысль», 2015.

— ● —

Abstract. The author attempts to carry out a comparative analysis of Russian and Caucasian linguistic world image concepts, whose existence is considered at the level of the following oppositions: reality / irreality, friend / foe, life / death. The specific feature of the essay genre is its proximity to documentalism, the ability to see everything at once. From the semiotic perspective, the author defines such method as the point of view (B. Uspensky) and attempts to show

these points of view, i.e. different narrative text levels. Thus, the essay is presented as a multi-level semantic and semiotic system.

Keywords: language concept, receptive level, narrative level.

— • —

Сведения об авторе

Ираида Абесаломовна **Кротенко**, доктор филологических наук, профессор, координатор истории русской литературы департамента Славистики факультета гуманитарных наук Государственного университета им. Акакия Церетели (Кутаиси, Грузия).

— • —

Подписано в печать 13.12.2015.
© Наука. Мысль, 2015.